

О. Н. СКЛЯРЕНКО

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ОНОМАСТИКЕ (на материале английского языка)

В статье рассматривается проблема употребления множественного числа в сфере собственных имен. Установлено разнообразие функций плюральных форм в ономастике, обусловленных взаимодействием экстралингвистических, собственно лингвистических, общеономастических и узкотопонимических факторов.

Ключевые слова: плюральные онимы, топонимическая деривация, онимизация, морфологический маркер, английский язык.

Проблема употребления множественного числа в ономастике не раз привлекала внимание исследователей. Ей посвящены многочисленные публикации [напр., 4; 8]. Однако английский топонимический материал редко привлекался к исследованию. Данная статья посвящена анализу плюральных имен собственных на материале топонимии США и Великобритании.

Грамматическая категория числа, являясь одним из проявлений более общей языковой категории количества [9: 583], со временем приобрела большое число самых разнообразных употреблений, то есть различных функций, различных назначений. О. С. Ахманова, например, выделяет четырнадцать различных употреблений множественного числа, среди которых выделяются, в частности, множественное авторское, множественное вежливости, множественное собирательное, множественное эмфатическое (множественное поэтическое) и другие [1: 236—237]. Можно предположить, что в ономастике грамматическая категория числа тоже используется со специфическими ономастическими целями. Можно предположить также, что различные ономастические классы используют категорию числа по-разному, в разных целях. Действительно, в антропонимии используется, например, один из семантических типов множественного числа, так называемое **репрезентативное множество**, которое означает группу лиц, называемую по одному из ее представителей, ср. англ. *the Browns* — «Брауны» (супруги, семья Браунов). В антропо-

нимии существует также особое употребление множественного числа — *pluralia majestaticus* — для эмфатического выделения имен знаменитых личностей. Фактическим денотатом здесь выступает только один человек. В топонимии форма множественного числа используется для онимизации апеллятивов, то есть она способствует переходу нарицательных существительных в сферу ономастики, облегчает этот переход. Здесь выделяются прежде всего отапеллятивные топонимы, образованные от топографических терминов. Основной семантический тип множественного числа, то есть его основное значение — это дискретное множественное число, указывающее на раздельное множество предметов. Само исходное слово некоторое время полностью сохраняет свое начальное лексическое значение. Сначала, видимо, плюральные образования употреблялись со своим исходным значением с добавлением нового семантического оттенка, а именно дополнительного значения совокупности, общности однородных предметов: *mills, parks, orchards, oaks, fields, brooks*. Затем плюральные формы переходили в топонимию (чаще всего в результате топонимической метонимии), ср. названия населенных пунктов в США: *Hills, Rocks, Sands, The Plains (Plains), Wells, Mills, Oaks, Fields, Trees, Meadows, Parks*.

Употребление множ. числа в английской топонимии известно с самых ранних периодов. В древнеанглийской топонимии собственных средств для называния географических объектов, в частности, селений, было недостаточно, и ономастика широко черпала их из общеупотребительного языка. Одним из способов употребления апеллятивов в топонимической функции было использование форм множ. числа, что поддерживалось внелингвистическими реалиями. Вначале это были, видимо, предложные конструкции со словами, обозначающими вид называемого объекта в именительном падеже и уточняющими элементами в дательном падеже. Очень скоро номенклатурные термины опускались, и оставались топонимические плюрали. Английский топонимист П. Рини подчеркивает, что в древнеанглийском языке плюральные топонимы были весьма многочисленны. Так, термин *halh* — «клин, «участок земли» онимизировался в форме множ. числа *halas*, откуда топонимы *Halas, Hallas* [15: 32—33]. Древнеанглийский апеллятив *cot(e)* — «изба, хижина» (ср. совр. *cottage*) имел форму множ. числа *cotan*, откуда ойконимы *Coates, Cotes, Cotis* [15: 36]. Особенно часто онимизировались географические термины в дательном падеже множ. числа, принимая окончание *-um*, напр.: *at Bathum* («у ванн») — совр. *Bath*; *ad Hlidum* («у склонов») — совр. *Lydd*; *Fennumi* > *Fenham* («у болот»); *Carrum* > *Carham* («у скал»); *Acum* > *Acomb* («у дубов»); *(at) Sealum* > *Salome Wood* («у ив»); *Ediscum* > *Escombe* («у огороженных пастбищ») [15: 35—36].

Способ образования собственных географических названий, отражающих в форме множ. числа реальные факторы, употребителен и в современном языке. Местность в Англии, изобилующая минеральными источниками, получила название *Wells* — «Источники». Болотистая местность называется *Marishes* (от апеллятива *marsh* — «болото, топь»), ср. название низменности со множеством болот — *The Fens* (от апеллятива *fen* — «болото»). Местности, выделяющиеся большим количеством мельниц называются *Mells, Mellis* (от апеллятива *mill* — «мельница»). Словом *The Broads* (субстантивированное прилагательное множ. числа от *broad* — «широкий») называют район «широких» водных пространств (озер), в отличие от *The Narrows* — район «узких» водных пространств (ручьев, рек, каналов). Группа скал с острыми вершинами получила метафорическое название *The Needles* — «Иглы», а отроги горы получили название *Combs* (от апеллятива *comb* — «гребень горы»). Селение *Barnes* раньше называлось *Berne* от *barn* — «амбар», «житница». Название в форме множ. числа — *Bernes* появилось позже, когда в связи с ростом селения было построено много амбаров [18: 27].

Однако не всегда плюральность названия связана с множественностью объектов, ср. замечание В. А. Никонова: «*Мосты* означает селение у моста, а не «несколько мостов»» [10: 7]. Основная функция флексий множ. числа — словоизменительная, реляционная — при определенных обстоятельствах меняется. В топонимии флексии множ. числа меняют свою функциональную нагрузку. На основную функцию наслаиваются иные, топонимообразующие, которые, постепенно усиливаясь, отодвигают исходное функциональное предназначение все дальше на задний план, а иногда устраняют его вообще. Чисто топонимическое словообразовательное значение имеет флексия множ. числа в тех случаях, когда плюральное по форме образование называет один объект. В этих случаях реляционное значение форманта трансформируется в деривационное значение. Поэтому мы относим плюральные названия к категории деривативных и не согласны с мнением В. Д. Беленькой, относящей плюральные топонимы к группе простых наименований. Рассматривая существительные, «включающие грамматическую морфему множественного

числа (*Hills, Meadows*)», В. Д. Беленькая считает, что их переход из разряда имен нарицательных в собственные «сопровождается перерастанием грамматического значения морфемы *-s* в значение лексическое. Форма множ. числа начинает выражать уже не множественность объекта, а особый его признак, а именно, принадлежность к населенным пунктам. Во всех этих случаях отсутствует процесс топонимического словообразования, который позволял бы говорить о сложном составе топонимов» [2: 117]. Почти со всем сказанным можно согласиться, за исключением вывода. Все обстоит, как нам представляется, прямо противоположным образом. Именно «выражение особого признака» морфемой *-s* принадлежности плюрального слова к ойконимам является морфологическим маркером, особым словообразовательным формантом, что свидетельствует о безусловном отнесении плюральных образований к дериватам. При топонимообразовании такие формообразующие средства, как окончания множ. числа существительных..., становятся специфическими топонимическими словообразовательными средствами» [12: 53]. Убедительным примером превращения английской реляционной флексии *-s* в деривационный суффикс, в своеобразный топоформант является название юго-восточного района Шотландии, граничащего с Англией. Англичане называют этот район *Cheviot Hills*. Шотландцы раньше называли его *The Border* («Граница»), а сейчас именуют *The Borders* («Границы»), хотя граница здесь только одна [18: 47—48]. Налицо ономастическая цепочка: от апеллятива *border* к собственному имени *The Border* и к собственному имени с большей степенью онимизации — *The Borders*. Процесс ономастического обособления, увеличения степени онимизации здесь, видимо, еще не закончился. Название маленького английского городка *Bushmills* происходит от обозначения мельницы, стоявшей на реке *Bush* [18: 65]. Плюральное *-s* имеет здесь чисто топонимизирующее значение. Топонимизирующую функцию выполняет *-s* в топониме *Brooklands*, который имеет прозрачное исходное значение «*land by the brook*» («земля возле ручейка») [18: 59] (едва ли здесь могло быть много «земель»); в топониме *Berrylands* (сначала это было название фермы (от др. англ. *beorg* — «холм» и *land* — «участок земли»)) [18: 37], ср. это с названием лесного массива *Woodlands* («лесные угодья»), а также с общими названиями больших горных и низменных пространств в Великобритании *Highlands, Lowlands, Midlands*, где употребление множ. числа мотивировано. В США одна из долин в штате Висконсин называется *The Dells* от *dell* — «небольшая лесистая долина»; одна из плотин в штате Вашингтон называется *Wells* — от *well* («колодец»). Словоизменительная, реляционная функция флексии *-s* переходит в словообразовательную, деривационную функцию суффикса.

Словоизменение и словообразование в своих крайних проявлениях четко отличаются друг от друга. Но на стыке этих явлений одно переходит в другое, образуя широкую полосу переходных явлений. В. М. Жирмунский в этой связи задается вопросом: «Где же проходит в языке граница между словоизменением и словообразованием...?» И сам же отвечает: «Вопрос этот остается открытым» [6: 17]. Этот вопрос особенно справедлив в приложении к ономастике. Дело в том, что лексическая сфера языка, включающая как апеллятивную, так и ономастическую субсферы, имеет континуумный (непрерывный) характер. Число смыслов, вкладываемых в любое слово (будь это апеллятив или оним), непрерывно колеблется, то расширяясь, то сужаясь, то теряя определенные элементы понятий и представлений, то расширяя их. Так, в определенном смысле можно сказать, что данное слово чистый апеллятив, или апеллятив и немножко собственное имя. И так по возрастающей, пока слово не превратится в чистый оним, а затем — по нисходящей линии — оним и немножко апеллятив и т. д. (в случае деонимизации собственного имени). Топоним *Москва* имеет огромное число понятий и представлений, которые непрерывно меняются. Множ. число способствует лексической трансформации исходного апеллятива, его преобразованию в собственное имя. В ономастическом обособлении исходного апеллятива большую роль играет контекст, как лингвистический, так и экстралингвистический, понимаемый в широком коммуникативном плане. Но одного контекста мало, и язык использует свои, чисто лингвистические средства для этого обособления. Ономастика черпает свой лексический и словообразовательный материал из апеллятивной сферы. Однако ресурсы языка, даже самого богатого, строго ограничены [5: 114]. Функциональная нагрузка флексий множественного числа в ономастике меняется в связи с тем обстоятельством, что онимы, в отличие от нарицательных, не изменяются в числе. Они имеют только форму единственного или только форму множественного числа.

Поскольку здесь, как правило, нет противопоставления единственного числа множественному, то, по мнению ряда лингвистов, говорить о категории числа в ономастике нет оснований.

Более того, отдельные ученые считают, что онимы могут быть только сингулятивными. Л. Блумфилд утверждает: «Имена собственные встречаются только в единственном числе» [3: 219]. Аналогичные высказывания встречаются у О. Есперсена [17: 165]. Конечно же, вопреки этим утверждениям, как мы видим из приведенных выше примеров, в ономастике любого языка есть не только сингулятивные, но и плюральные образования. Грамматический парадокс в плюральных онимах заключается в том, что единичность именуемых объектов передается формой множ. числа, то есть семантическая единственность выражается через грамматическую множественность.

Плюральные форманты способствуют превращению в топонимы не только апеллятивов, которые можно назвать географическими терминами в широком смысле этого слова, но и нарицательные имена самой разнообразной семантики. Американская топонимия характеризуется разнообразием онимизированных лексем во множ. числе. Напр.: *Cabins* (от *cabin* — «лачуга, хижина, убогое жилище»), *Fords*, *Brooks*, *Crooks*, *Mounds*, *Groves*, *Orchards*, *Oaks*, *Bells*. В США есть такие названия населенных пунктов, как *Brothers*, *Sisters*, *Guys*, а также ойконимы *Weathers*, *Rains*, *Winters*. Обращают на себя внимание американские плюральные ойконимы — исходные прилагательные типа *Olds*, *Strongs*.

Интересны ойконимы — существительные, на дотопонимическом уровне обозначавшие отрезки времени или пространства. Напр.: *Weeks*, *Ages*; *Miles*. Ср. амер. *Burrows* (от *burrow* — «нора»), *Coats* (от *coat* — «пиджак», «пальто», «обшивка, облицовка»), *Gates* (от *gate* — «ворота, калитка»), *Grimes* (от *grime* — «грязь, сажа, угольная пыль»), *Hanks* (от *hank* — «моток (пряжи)»), *Heaters* (от *heater* — «печь, нагревательный прибор»), *Hooks* (от *hook* — «крюк, крючок»), *Levels* (от *level* — «уровень», «плоскость», «равнина»), *Palisades* (от *palisade* — «частокол, деревянный забор»), *Shields* (от *shield* — «щит»); *Shoals* (от *shoal* — «мелкое место, мелководье, мель»), *Sparks* (от *spark* — «искра»), *Walls* (от *wall* — «стена») и т. д. [14].

Отдельную область плюральных названий населенных пунктов составляют образования, генетически связанные не с обозначениями географических объектов, а с людьми. Некоторые плюральные ойконимы своей внутренней формой отражают разнообразные профессии. В американской ойконимии к такого рода плюративам можно отнести следующие названия: *Millers*, *Taylor*s, *Fishers*, *Hunters*, *Cooks* и др. Однако большинство американских названий селений, генетически прямо или опосредованно связанных с обозначением профессий, имеют сингулятивную форму: *Dyer*, *Carpenter*, *Porter*, *Fisher*, *Cook*, *Bishop*, *Miner*. Немногочисленны также плюральные ойконимы, образованные от фамилий во множ. числе: *Whites*, *Simpsons*, *Wilson*s. Возможно однако, что в этих образованиях (как и в других англоязычных отантропонимических ойконимах) конечное *-s* генетически восходит к омонимичному суффиксу притяжательного падежа. Некоторые плюральные географические названия в Англии возникли от множественной формы фамильного имени семьи, владевшей называемыми объектами. Так, в названии города *Grays* представлено имя нормандской семьи *de Grai*, некогда владевшей здесь поместьями [18: 152—153]. Общее имя *The Rodings* называет большую территорию в графстве Эссекс с многочисленными объектами — владениями членов семьи *Roding* [18: 298]. В американской ойконимии также встречаются названия селений, образованные от личных имен: *Solomons*, *Walters*, *Rogers*, *Matthews*, *Andrews*, *Eugens*. Во всех этих случаях форма множ. числа приобретает функцию трансонимизации, то есть функцию переноса уже существующих собственных имен из одной ономастической категории (антропонимической) в иную — топонимическую (в данном случае — в ойконимическую). Есть, однако, случаи, когда топонимы, имевшие форму множ. числа, теряют ее и переходят в сингулятивные образования. Ср. англ.: *Brighuses* > *Brighouse*. Эту борьбу форм множ. и ед. чисел можно интерпретировать как отражение асимметрического дуализма лингвистического знака (понимая под «знаком» грамматическую категорию числа). Но, как пишет С. Карцевский, «один и тот же знак имеет несколько функций», он имеет дифференциальный характер: «...Всякий лингвистический знак непременно должен быть дифференциальным, иначе он ничем не будет отличаться от простого сигнала» [7: 85, 87]. В приложении к топонимии дифференциальный характер сингулятивных и плюральных (идентичных во всех иных отношениях) топонимов вызывает к жизни еще одно функциональное предназначение — борьбу с интратопонимической омонимией (то есть преодоление омонимии между образованиями единого ономастического класса). Сравните дихотомические противопоставления английских ойконимов: *Bow* — *Bowes*; *Wingate* — *Wingates*; *Eastcott* — *Eastcotts*; *Hayne* — *Haynes*; *Hale* — *Hales*; *Kirkley* — *Kirklees*; *Leigh* — *Leighs*; *Lew* — *Lewes*; *Marsh* — *Marishes*; *Well* — *Wells*; *Whitstone* — *Whitstones*; *Zeal* — *Zeals* [13]. Кроме интра-

топонимической омонимии бинарные противопоставления сингулятивных и плюральных названий способствуют преодолению **интертопонимической омонимии** (между топонимами различных классов).

Иногда финалия, воспринимаемая как показатель множественности, выполняющий топонимизирующую функцию, имеет совершенно иной генезис. В английской топонимии конечное **-s** бывает обусловлено окказиональными обстоятельствами. Название деревни **Carstairs** не имеет конечным компонентом слово *stairs* — «ступеньки». Генетически оно восходит к словам *castle* («замок») и личному имени *Tarres* [18: 75].

Общезыковые и топонимические тенденции порою трансформируют слово, воспринимаемое ныне как плюральное. Иногда конечное **-s** — реликт притяжательного (посессивного) падежа. Английская деревня **Jordans** своим названием обязана названию дома *Old Jordan's Far* [18: 189]. Топоним **Ippolitts** происходит от конструкции *St. Hippolytus's church* [13: 266]. Аналогично, **Kirkandrews** — от *St. Andrew's church* [13: 279]. Посессивность четко ощущается и в конечном **-s** названия города **Bury St Edmunds** (город назван в честь Эдмунда, убитого в 869 г. викингами и причисленного к лику святых) [18: 64]. Хорошо известный город с кафедральным собором **St Albans** назван в честь мученика и святого *Alban*, которому посвящено здесь аббатство [18: 307], ср. также приморский город **St Leonards**, названный в честь святого *Leonard-a* [18: 308] и корнуэльский город **St Neots**, названный в честь святого по имени *Neot* [18: 309]. Это образования разного генезиса. Но с точки зрения современного функционирования, этимологические различия не имеют значения. Все они втянуты в единый топонимический ряд топонимов с конечным **-s**, который выступает здесь в чисто топонимической функции — как дополнительный маркер топонимичности, как топоформант.

«Сила втягивания в топонимический ряд огромна», — пишет В. А. Никонов. В справедливости этих слов можно убедиться еще раз на примерах, свидетельствующих о том, что топоним, употреблявшийся без конечного **-s**, со временем приобретает его под давлением употребительной модели. Ср.: **Chesters** (от др. англ. *ceaster* — «форт»), **Crookes** (от средн.-англ. *crok* — «изгиб, кривизна, дуга», «поворот»), **Heynings** (от средн.-англ. *haining* — «огороженное место», «ограда, ограждение»), **Staines** (от др.-англ. *stan* — «камень»), **Stubbins** (от средн.-англ. *stubbing* — «расчищенный под пашню участок земли»), **Woodsetts** (от *wodesete* — «овчарня в лесу»: **Woodyates** < **Wudiete** (возможно, от др.-англ. *wudige geat* — «деревянные ворота») [13: 101, 131, 238, 436, 451, 532, 533]; а также: **Chaldene** > **Chaldeans**; **Falalee** > **Fallowlees**; **Fileching** > **Filkins**; **Figelinge** > **Fylingdales**; **Gildanwell** > **Gildingwells**; **Glenteley** > **Glantlees**; **Grenerig** > **Greenriggs**; **Ipstone** > **Ipstones**; **Kirkley** > **Kirklees** [13: 94, 173, 179, 190, 196, 197, 204, 266, 281]. С точки зрения синхронии, плюральность данных названий можно рассматривать как специфический топоформант. Этому отнюдь не противоречит диахронно-этимологический подход к проблеме, допускающий иную интерпретацию фактов. Оба подхода взаимно дополняют друг друга. Такие факты многочисленны в английской топонимии, в которой генетически кельтские названия приобретают английский суффикс множ. числа **-s**. Так, название **Cairngorms** представляет собой плюрализованное **Cairn Gorm** от гаэльского *cairn* — «скала» и *gorm* — «голубая» [18: 67]. Топоним **Cults** восходит к гаэльскому *coillte* — «леса», с добавленным английским **-s** [18: 105]. Название города **Duns** восходит к гаэльскому апеллятиву *dun* — «холм», с добавленным английским плюральным **-s** [18: 121]. Название кафедрального города **Ferns** может ошибочно восприниматься как топонимизированный английский апеллятив *ferns* — «папоротники». В действительности оно имеет ирландское происхождение и представляет собой ирландское слово уже во множ. числе *Fearna* — «бузинные деревья» (от *fearn* — «бузина», с добавленным английским **-s**. [18: 136]. Название деревни **Fochabers** содержит элементы двух гаэльских слов: *fotchach* — «озеро» и *abar* — «болото», впоследствии принявших английское конечное **-s** [18: 138]. Топоним **Hints** — это уэльльский апеллятив *hint* — «дорога» — с англ. **-s** [13: 241]. Топоним **Kells** представляет собой ирландский апеллятив *cealla* во множ. числе (от *cill* — «келья», «церковь»), к которому было добавлено англ. **-s** [18: 190]. Ирландское название небольшого рыболовного селения **Na Cealla Beaga** — «маленькие церкви», «маленькие монашьи кельи» превратилось в англ. **Killybegs** [8: 195]. Город **Largs**, расположенный на холмах, получил название от гаэльского апеллятива *learg* — «склон», с добавленным **-s** [18: 207]. Название хорошо известного промышленного города **Leeds** возникло от бриттского (кельтского) названия реки **Lat** — «текущая» с конечным **-s** [18: 209]. Название деревни **Leuchars** возникло из гаэльского апеллятива *luachar* — «тростник, камыш» с англ. **-s**. Город

Largs, розположений на холмах, отримав назву від гаельського афеллятива *learg* — «склон» [18: 211]. Назва англійського міста *Peebles* виходить з кельтського афеллятиву во множ. числі *pebyll* з значенням «пристаніща», «жилища», з доданим *-s* [18: 270, 349]. Назва невеликого містечка *Roths* ґрунтується на гаельському *rath* — «круглий форт» з доданням англ. *-s* [18: 301]. Назва старовинної деревні *Swords* нічого загального не має з афеллятивом *swords* — «мечі»; воно є гібридом, будучи утвореним з ірландського афеллятива *sord* — «газон, трав'яне покриття, дерн» — з доданням англ. *-s*.

Кінцеві маркери множ. числа в таких утвореннях не випадкові. Згадаймо слова А. А. Потебні про те, що мова не дорожить звуком, якщо він уже не має значення, що стираються граматичні категорії як зайве навантаження для думки, якщо вони не виражають певного значення [11: 61]. Отже, якщо мова приймає звук, якого раніше не було, значить цей звук має значення. В цих випадках суффікс множ. числа не тільки сприяє входженню в топонімічний ряд, воно сприяє входженню іноземних слів в саму мову, краще, в одну з частин мови — в топонімію. Топонімічний суффікс *-s* допомагає адаптації іноземних слів, він їх, говорячи словами А. Рубина, «англійцізує» (*anglicise*) [18: 66], сприяє усуненню їх сприйняття як «чужих», роблячи «своїми», звично звучачими звуковими комплексами, допомагає граматичному освоєнню заимствованих. При цьому відсутність етимологічного значення тут не тільки не перешкоджає, а, навпаки, сприяє топонімічному сприйняттю слів.

Таким чином, аналіз топонімів *pluralia tantum* показує різноманітність функцій плюральної форми. Суффікси множинного числа здатні набувати властивостей, яких ніколи не випливають з їх походження та традиційного використання. Ці набувані властивості зумовлені взаємодією різних факторів екстралінгвістичного, власне лінгвістичного, загальнономастичного та топонімічного характеру.

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966.
2. Беленькая В. Д. Очерки англоязычной топонимики. — М., 1977.
3. Блумфилд Л. Язык. — М., 1968.
4. Болотов В. И. Множественное число имени собственного и афеллятива // Имя нарицательное и собственное. — М., 1978.
5. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. — Л., 1976.
6. Жирмунский В. М. О границах слов // Морфологическая структура слов в языках различных типов. — М.—Л., 1963.
7. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. — М., 1965. — Ч. 2.
8. Корепанова А. П. Топо- і гідронімічні типи *pluralia tantum* басейну Десни (в межах України) // Ономастика. — К., 1966.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
10. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. — М., 1969.
11. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. — Т. 1—2. — М., 1956.
12. Шуба П. П. О «топонимизации» некоторых словообразовательных средств // Всесоюзная конференция по топонимике СССР. — Л., 1965.
13. Ekwall E. The Concise Oxford Dictionary of English Place-names Ed. 6. — Oxford, 1966.
14. Encyclopedia Americana in 30 V. — Danbury, Connecticut, 2001.
15. Reaney P. H. The Origin of English Place-names. — London, 1969.
16. Gardiner A. H. The Theory of Proper Names. — London, 1940.
17. Jespersen O. Essentials of English Grammar. — London, 1933.
18. Rood A. Dictionary of Place-names in the British Isles. — Bloomsbury, 1988.

О. М. Скляренко

ДО ПИТАННЯ ПРО КАТЕГОРІЮ МНОЖИНИ В ОНОМАСТИЦІ (на матеріалі англійської мови)

У статті розглянуто проблему категорії множини у сфері власних імен. Виявлено різні функції плюральних форм в ономастиці, котрі зумовлені різноманітними чинниками екстралінгвістичного, власнелінгвістичного, загальнономастичного та топонімічного характеру.

Ключові слова: плюральні оніми, топонімічна деривація, онімізація, морфологічний маркер, англійська мова.

О. N. Sklyarenko

TO THE PROBLEM OF PROPER NAMES IN PLURAL (on basis of English)

The problem of the category of the plural in the sphere of onomastics is analyzed in the article. The diversity of functions of plural forms of proper names is established. These functions are caused by different extralinguistic, linguistic, onomastic and toponymic reasons.

Key words: plural onyms, toponymic derivation, onymisation, morphological marker, English.